

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

ВЕДЬМАК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
С19

Andrzej Sapkowski
MIECZ PRZEZNACZENIA

Перевод с польского *Е. Вайсброта*

Публикуется с разрешения автора и его литературного агентства NOWA Publishers (Польша) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Сапковский, Анджей.

С19 **Ведьмак: Меч Предназначения** : [фантастический роман] / Анджей Сапковский ; [перевод с польского Е. Вайсброта]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-17-136892-0 (Хиты экрана: Ведьмак)

Компьютерный дизайн В. Воронина

ISBN 978-5-17-074112-0 (Легендарные фантастические сериалы)

Компьютерный дизайн А. Ткаченко

Ведьмак — это мастер меча и мэтр волшебства, ведущий непрерывную войну с кровожадными монстрами, которые угрожают покою сказочной страны.

«Ведьмак» — это мир на острие меча, ошеломляющее действие, незабываемые ситуации, великолепные боевые сцены.

Сага Анджея Сапковского занимает одно из первых мест в отечественных и зарубежных списках лучшего фэнтези, а Геральт, культовый персонаж литературы и компьютерных игр, уже во второй раз появляется на телеэкранах.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

© Andrzej Sapkowski, 1994

© Перевод. Е. Вайсброт, наследники, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

ПРЕДЕЛ ВОЗМОЖНОГО

1

— Повторяю: он оттуда не выйдет, — убежденно сказал прыщавый, качая головой. — Уже час с четвертью, как залез. Ему конец.

Столпившиеся у развалин жители молчали, уставившись на чернеющее в руинах отверстие — заваленный камнями вход в подземелье. Толстяк в желтой суконной куртке переступил с ноги на ногу, кашлянул, снял с головы берет.

— Погодим еще, — сказал он, вытирая пот с реденьких бровей.

— А чего годить-то? — фыркнул прыщавый. — Там в подвалах он и сидит, василиск-то, аль забыли, солтыс? Кто войдет, тому и конец. Мало людей, что ль, погибало? Чего ждатель-то?

— Мы ж договаривались, — неуверенно проворчал толстяк. — Как же так?

— С живым договаривались-то, солтыс, — проговорил спутник прыщавого, гигант в кожаном фартуке резника. — А теперича он мертв, это уж как пить дать. Сызначала было ведомо, на смерть идет, как и другие до него. Он и зеркала не прихватил, с одним мечом полез. А без зеркала — знамо дело — василиска не прибьешь.

— Считайте, сэкономил гроши, — добавил прыщавый. — Потому как платить за василиска теперя некому. Идите спокойно домой. А коня и колдуньино хозяйство мы возьмем, не пропадать же добру.

— Оно, конечно, так, — сказал резник. — Упитанная кобыла, да и вьюки плотно набиты. Глянем, что внутри.

— Как же так? Разве ж можно?

— Молчите, солтыс, и не встревайте, а то шишку заработаете, — предостерег прыщавый.

— Упитанная кобылка-то, — повторил резник.

— Оставь коня в покое, дорогуша.

Резник медленно обернулся к чужаку, который вышел из-за излома стены, из-за спин людей, скопившихся вокруг входа в подземелье.

У чужака были густые вьющиеся каштановые волосы, коричневая накидка поверх посаженного на вату кафтана, высокие сапоги верхового. И никакого оружия.

— Отойти от коня, — повторил он, ядовито усмехаясь. — Это как же? Чужой конь, чужая собственность, а ты уставился на нее своими слезящимися глазенками, тянешься к ней паршивой лапой? Это порядок?

Прыщавый, медленно засовывая руку за пазуху куртки, глянул на резника. Резник кивнул, указал головой на группку, из которой вышли еще двое. Плотные, стриженные. У обоих в руках дубинки, которыми на бойнях оглушают животных.

— Это кто ж ты такой, — спросил прыщавый, не вынимая руки из-за пазухи, — чтобы указывать нам, что порядок, а что нет?

— А тебе какое дело, дорогуша?

— Оружия не носишь?

— Верно. — Чужак усмехнулся еще ядовитее. — Не ношу.

— А зря. — Прыщавый вытащил руку из-за пазухи. В руке был длинный нож. — Вовсе даже зря не носишь-то.

Резник тоже вытащил нож, похожий на охотничий. Те двое шагнули вперед, поднимая дубинки.

— А мне как-то ни к чему, — сказал чужак, не двигаясь с места. — Мое оружие ходит следом.

Из-за развалин, мягко, уверенно ступая, вышли две девушки. Толпа незамедлительно расступилась, попятилась, поредела.

Девушки улыбались, сверкая зубами, шуря глаза, от уголков которых к ушам бежали широкие синие полосы татуировки. Мускулы играли на крепких бедрах, вырисовывающихся под рысьими шкурами, и на нагих круглых предплечьях повыше перчаток из кольчужной сетки. За спинами, тоже прикрытыми кольчужкой, торчали рукояти сабель.

Прыщавый постепенно, медленно согнул ноги в коленях, упустил нож на землю.

Из дыры в развалинах донесся грохот камней, скрежет, затем из тьмы вынырнули две руки, вцепившиеся в выщербленный край стены. Вслед за руками появилась голова с белыми, припорошенными кирпичной пылью волосами, затем бледное лицо и наконец рукоять меча, выступающая над плечом. Толпа шумела.

Белоголовый, горбатясь, вытащил из дыры удивительное существо — странное тело, покрытое пылью, напитавшейся кровью. Держа существо за длинный ящерный хвост, он молча бросил его к ногам тучного солтыса. Солтыс отскочил, споткнувшись о валяющийся кусок стены и не сводя глаз с искривленного птичьего клюва, перепончатых крыльев и серповидных когтей на чешуйчатых лапах.

— Василиск, — произнес белоголовый, отряхивая брюки от пыли. — Как договаривались. Извольте мои двести линтаров. Настоящих линтаров, не шибко фальшивых! Предупреждаю — проверю.

Солтыс дрожащими руками извлек мешочек. Белоголовый осмотрелся, на мгновение задержал взгляд на прыщавом, на валяющемся у его ног ноже, потом перевел взгляд на мужчину в коричневой накидке, на девушек в рысьих шкурах.

— Как всегда, — сказал он, принимая кошель из дрожащих рук солтыса. — Я для вас жизнью рискую ради паршивых денег, а вы тем временем подбираетесь к моим вещичкам. Никогда, пропади вы пропадом, не изменитесь.

— Мы не трогали, — забормотал резник, пятясь. Двое с дубинками уже давно растворились в толпе. — Не трогали мы ваши вещи, милсдарь.

— Весьма рад, — усмехнулся белоголовый. При виде его улыбки, расцветающей на бледном лице, как распускающаяся роза, толпа стала быстро рассеиваться. — И потому, братец, я тебя тоже не трону. Иди с миром. Только быстро.

Прыщавый, пятясь, собрался бежать. Прыщи неприятно выделялись на его побледневшей физиономии.

— Эй, погоди-ка, — бросил ему человек в коричневой накидке. — Ты кое о чем забыл.

— О чем, милсдарь?

— Ты поднял на меня нож.

Одна из девушек, та, что повыше, вдруг качнулась на широко расставленных ногах и развернулась. Сабля, выхваченная неведомо когда, резко просвистела в воздухе. Голова прыщавого взмыла и по крутой дуге упала в зияющий провал, ведущий в подземелья. Тело быстро и тяжело, как срубленный ствол, рухнуло в кирпичный бой. Толпа ахнула. Вторая девушка, держа руку на рукояти сабли, ловко обернулась, защищая тыл. Это было ни к чему. Люди, спотыкаясь и кувыряясь на развалинах, мчались что было сил к городку. Впереди внушающими уважение прыжками несли солтыс, всего на несколько сажен опережая огромного резника.

— Прекрасный удар, — холодно прокомментировал белоголовый, рукой в черной перчатке прикрывая глаза от солнца. — Прекрасный удар зерриканской саблей. Склоняю голову пред ловкостью и красотой свободных воительниц. Я — Геральт из Ривии.

— А я, — незнакомец в коричневой накидке указал на грудь, где красовался выцветший герб в виде трех черных птиц, сидящих рядком на однотонном золотом поле, — Борх

по прозвищу Три Галки. А это мои девочки, Тэя и Вэя. Так их называю я, об их настоящие имена можно язык сломать. Обе, как вы догадались, зерриканки.

— Если б не они, я, похоже, остался бы и без коня, и без имущества. Благодарю вас, воительницы. Благодарю и вас, благородный господин Борх.

— Три Галки. И никаких господ. Тебя что-нибудь держит в здешних краях, Геральт из Ривии?

— Отнюдь.

— Прекрасно. Предлагаю: тут неподалеку, на перекрестке дороги к речному порту, есть трактир, «Под Задумчивым Драконом» называется. Тамошней кухне нет равных на сто верст окрест. Я как раз направляюсь туда перекусить и заночевать. Буду рад, если составишь компанию.

— Борх, — белоголовый отвернулся от коня, глянул в светлые глаза незнакомца, — не хочу, чтобы между нами вкралась какая-либо неясность. Я — ведьмак.

— Догадываюсь. А произнес ты это так, будто сообщил: «Я — прокаженный».

— Встречаются и такие, — медленно проговорил Геральт, — что предпочитают компанию прокаженных обществу ведьмака.

— Есть и такие, — засмеялся Три Галки, — которые предпочитают овец девушкам. Что ж, им можно только посочувствовать. И тем, и другим. Повторяю предложение.

Геральт снял перчатку, пожал протянутую ему руку.

— Принимаю. Рад знакомству.

— Ну так в путь. Я голоден как волк.

2

Трактирщик протер тряпкой шершавые доски стола, поклонился и улыбнулся. У него не доставало двух передних зубов.

— Та-а-ак. — Три Галки какое-то время разглядывал закопченный потолок и копошавшихся под ним пауков. — Та-а-ак... Для начала... Для начала пиво. Ну, чтобы дважды не ходить, полный бочонок. А к пиву... Что можешь предложить к пиву, дорогуша?

— Сыр? — рискнул трактирщик.

— Не-а, — поморщился Борх. — Сыр будет на десерт. К пиву надо бы что-нибудь кисленького и остренького.

— Тогда так. — Трактирщик улыбнулся еще шире. Два передних зуба были не единственными, которых у него не доставало. — Угорьки с чесноком в масле и уксусе либо маринованные стручки зеленого перца.

— Порядок. И то, и другое. А потом суп, такой, как я когда-то тут едал, в нем еще плавали разные там улиточки, рыбки и другая шикарная дрянь.

— Уха плотогонов?

— Во-во. А потом печенку с яичницей и луком. А потом кучу раков. Укропу засыпь в котел сколько влезет. А потом сыр и салат. А потом... ну, там видно будет.

— К вашим услугам. Для всех? Четыре раза, стало быть?

Зерриканка что повыше отрицательно покачала головой, многозначительно похлопала себя по талии, обернутой плотно прилегающей льняной рубашкой.

— Забыл! — Три Галки подмигнул Геральту. — Девочки блюдут линию. Хозяин, печенку только для нас. Пиво давай сразу, вместе с угорьками. С остальным маленько повремени, чтоб не стыло. Мы пришли не обжираться, а просто провести время в приятной беседе.

— Понято. — Трактирщик снова поклонился.

— Расторопность — важная штука в твоём деле. Давай руку, дорогуша.

Звякнули золотые монеты. Трактирщик разинул рот до предела возможного.

— Это не аванс, — сообщил Три Галки. — Это за понятливость. А теперь жми на кухню, парень.

В эркере было тепло. Геральт расстегнул пояс, сбросил кафтан и закатал рукава рубахи.

— Похоже, — сказал он, — ты не страдаешь отсутствием наличных. Живешь привилегиями рыцарства?

— Частично, — усмехнулся Три Галки, не входя в детали. — Частично.

Быстро управились с угорьками и четвертью бочонка. Зерриканки тоже не скромничали, явно повеселели и начали перешептываться. Взя, та, что повыше, вдруг рассмеялась.

— Девочки говорят на всеобщем? — тихо спросил Геральт, косясь на них краешком глаза.

— Слабо. И не болтливы. Что похвально. Ну как тебе суп, Геральт?

— Угу...

— Выпьем?

— Угу...

— Геральт, — Три Галки отложил ложку и воспитанно рыгнул, — вернемся ненадолго к нашему дорожному разговору. Я понял, что ты, ведьмак, путешествуешь с одного конца света на другой, а по пути, если попадетсЯ какое-нибудь чудовище, убиваешь. И на это живешь. В том и состоит ведьмачья профессия?

— Более-менее.

— А случается, что тебя специально куда-нибудь вызывают? Ну, скажем, по особому заказу. И ты едешь и выполняешь?

— Зависит от того, кто вызывает и зачем.

— И за сколько?

— Тоже верно. — Ведьмак пожал плечами. — Все дорожает, а жить надо, как говаривала одна моя знакомая колдунья.

— Довольно четкий подход, я бы сказал, очень практичный. А ведь в основе лежит какая-то идея, а, Геральт? Конфликт сил Порядка с силами Хаоса, как говаривал один мой

знакомый колдун. Полагаю, ты выполняешь некую миссию, защищаешь людей от зла всегда и везде. Без разбора. Стоишь по четко определенную сторону... частокола.

— Силы Порядка, силы Хаоса. Какие громкие слова, Борх. Тебе обязательно надо поставить меня по какую-то сторону частокола в конфликте, который, как считается, извечен, начался задолго до нас и продлится, когда нас уже не будет. На чьей стороне стоит кузнец, когда подковывает коней? Или наш трактирщик, который уже мчится сюда с чугуном баранины? Что, по-твоему, определяет границу между Хаосом и Порядком?

— Все очень просто. — Три Галки посмотрел ему в глаза. — Хаос есть угроза, сторона агрессивная, Порядок же — сторона, которой угрожают, требуя защиты. Давай выпьем. И возьмемся за агнца.

— Верно!

Блудущие линию зерриканки устроили перерыв, который в ускоренном темпе заполнили пивом. Взя, наклонившись к плечу подруги, снова что-то шепнула, касаясь кошечкой столешницы. Тэя, та, что пониже, громко рассмеялась, весело прищурив татуированные веки.

— Да, — сказал Борх, обгладывая кость. — Продолжим беседу, если не возражаешь. Я понял, ты не стремишься встать на сторону какой-либо из Сил. Просто делаешь свое дело.

— Делаю.

— Но от конфликта между Хаосом и Порядком не убежишь. Ты — не кузнец, хоть и использовал такое сравнение. Я видел, как ты работаешь. Входишь в подземелье в руинах и выносишь оттуда усекновенного василиска. Есть, дорогуша, разница между подковыванием лошадей и уничтожением василисков. Ты сказал, что за соответствующую плату помчишься на край света и прикончишь чудовище, на которое тебе укажут. Предположим, свирепого дракона, опустошающего...

— Неудачный пример, — прервал Геральт. — Видишь ли, ты с самого начала напутал с Хаосом и Порядком. Драконов, которые, несомненно, представляют Хаос, я не убиваю.

— Как же так? — Три Галки облизнул пальцы. — Чего это вдруг? Ведь среди всех чудовищ дракон, пожалуй, самый вредный, самый жестокий и самый яростный. Самый что ни на есть отвратный гад. Нападает на людей, пышет огнем и похищает этих, как их, ну, девиц, ежели такие найдутся. Мало, что ли, рассказов слышал? Не может быть, чтобы ты, ведьмак, не записал на свой счет парочку драконов.

— Я не охочусь на драконов, — сухо сказал Геральт. — Вилохвостов, ослизгов, летюг. И на истинных драконов тоже — зеленых, черных, красных. Прими это к сведению, и все тут.

— Ты меня удивил, — сказал Три Галки. — Ну ладно, принял к сведению. Впрочем, повременим с драконами, я вижу на горизонте нечто красное, это, несомненно, наши раки. Выпьем!

Они с хрустом рвали зубами красные панцири, высасывали белое мясо. Сильно щекочущая губы соленая вода бежала даже по кистям рук. Борх наливал пиво, уже задевая черпаком дно бочонка. Зерриканки еще больше развеселились, зыркали глазами по трактиру, зловеще ухмыляясь, ведьмак был уверен, что они ищут повода учинить скандал. Три Галки тоже, видимо, это заметил, потому что вдруг пригрозил им раком, взятым за хвост. Девушки захихикали, а Тэя, выпятив губки будто для поцелуя, сделала глазки — при ее татуированной физиономии картинка была довольно жутенькая.

— Дикие, ну прям лесные коты, — буркнул Три Галки. — За ними нужен глаз да глаз. У них, дорогуша, раз-два — и на полу куча кишок. Но стоят любых денег. Если бы ты знал, на что они способны...

— Знаю, — кивнул Геральт. — Лучшего эскорта не сыскать. Зерриканки — прирожденные воины, их с детства на-таскивают на драку.

— Я не о том. — Борх сплюнул на стол рачью лапку. — Я имел в виду, какие они в постели.

Геральт беспокойно глянул на девушек. Обе улыбались. Взя молниеносным, почти незаметным движением потянулась к тарелке. Глядя на ведьмака прищуренными глазами, с хрустом разгрызла панцирь. Ее губы блестели от соленой воды. Три Галки опять громко рыгнули и сказали:

— Итак, Геральт, на драконов ты не охотишься, ни на зеленых, ни на черных, ни на красных. Принял к сведению. А почему, позволь поинтересоваться, только на эти три цвета?

— Четыре, если быть точным.

— Ты упоминал три.

— Тебя интересуют драконы, Борх? Есть какая-то особая причина?

— Нет, просто любопытство.

— Угу. А что до цветов, то так принято классифицировать истинных драконов. Хоть это и не совсем точно. Зеленые драконы, самые распространенные, скорее серые, как обычные ослизги. У красных фактически красноватый или кирпичный цвет. Больших драконов темно-коричневого цвета принято называть черными. Самые редкие — белые драконы, мне такой никогда не встречался. Они держатся далеко на севере. Якобы.

— Интересно. А знаешь, о каких драконах я еще слышал?

— Знаю. — Геральт отхлебнул пива. — О тех же, о которых слышал и я. О золотых. Таких нет.

— Почему ты так утверждаешь? Только потому, что никогда не видел? Белого ты тоже не видел.

— Не в том дело. За морями, в Офире и Зангвеваре, есть белые лошади в черную полосу. Их я тоже никогда не видел, но знаю, что они существуют. А вот золотой дракон — существо мифическое. Легендарное. Как, скажем, феникс. Фениксов и золотых драконов не бывает.

Взя, поставив локти на стол, с интересом глядела на него.

— Надо думать, ты знаешь, о чем говоришь. Ты же ведьмак. — Борх набрал пива из бочки. — Однако, я думаю, у каждого мифа, у каждой легенды должны быть какие-то корни. И у этих корней что-то лежит.

— Лежит, — согласился Геральт. — Чаще всего мечта, желание, тоска. Уверенность, что нет предела возможному. А иногда — случай.

— Именно что случай. Может, когда-то и был золотой дракон, единичная, неповторимая мутация?

— Если и так, то его постигла судьба всех мутантов, — отвернулся ведьмак. — Он чересчур отличался от других, чтобы выжить.

— Ха! — произнес Три Галки. — Теперь ты противоречишь законам природы, Геральт. Мой знакомый колдун говаривал, что в природе у каждого существа есть продолжение, и оно, существо, стало быть, выдюжит тем или иным образом. Конец одного — это начало другого, нет предела возможному, во всяком случае, природе таковые не знакомы.

— Крупным оптимистом был твой знакомый колдун. Только одного он не принял во внимание: ошибки, которую совершила природа. Или те, кто с ней играл. Золотой дракон и другие подобные мутанты если и существовали, то сохраниться не могли. Ибо мешала тому сама природа, предел возможного.

— Что еще за предел?

— Мутанты, — на скулах Геральта заиграли желваки, — мутанты стерильны, Борх. Только в легендах может выжить то, что в природе выжить не может. Только легенде и мифу не ведомы пределы возможного.

Три Галки молчал. Геральт взглянул на девушек, на их вдруг посерьезневшие лица. Взя неожиданно наклонилась к нему, охватила его шею жесткой мускулистой рукой, прикоснулась к щеке губами, влажными от пива.